Темные времена. Хозяин

Автор:
Александра Лисина

Темные времена. Хозяин

Александра Лисина

ВременаТемные времена #3

Последний этап на пути к Лабиринту оказывается самым сложным испытанием для терпения и воли темного эльфа. Серые пределы, даже обретя хозяина, остаются смертельно опасными для незваных гостей. Дикие хмеры, затаившиеся в чаще пересмешники, плотоядные деревья и ядовитая мошкара… Но они тревожат Таррэна гораздо меньше, чем присутствие Белки. Ее ненависть по-прежнему сильна, а сердце неприступно так же, как и сердце Проклятого леса. Однако, когда перед эльфом встает выбор – спасти мир или маленькую Гончую, он не колеблется ни мгновения. И принимает решение, которое в итоге меняет все.

Александра Лисина

Темные времена. Хозяин

Пролог

Он снова был в душном подвале. Неподвижной куклой лежал на грубо сколоченном столе и мертвым взглядом смотрел на низкий каменный потолок. Он понятия не имел, сколько времени провел в этом жутком подземелье. Не видел ничего, кроме повисшего над головой крохотного магического

светильника. Не помнил, кто он и откуда, но точно знал, что все еще жив, и был уверен, что это ненадолго.

Он не был привязан, нет. На него не накинули цепи, не заковали в колодки, только набросили сверху сеть охраняющих заклятий, тем самым полностью обездвижив.

Его кожа была щедро покрыта кровавыми разводами. Дышалось с трудом, но не потому, что воздух в подвале был насквозь пропитан запахом крови, а оттого, что на грудь невыносимой тяжестью давило изящное эльфийское кольцо с крупным зеленым камнем посередине.

Если бы он мог приподнять голову, то непременно узнал бы один из родовых перстней темных эльфов: грозно оскалившийся дракон, держащий в пасти потрясающей чистоты изумруд, был действительно уникальным. Но он не мог видеть. И не мог знать. Просто чувствовал, как чуют порой дикие звери, что в этом перстне таилась огромная мощь.

А затем левую лодыжку ухватили чьи-то железные пальцы, и немилосердная боль вспыхнула с новой силой.

– Осталось совсем недолго, – довольно промурлыкал откуда-то сбоку мелодичный голос. – Видишь, как мало нужно, чтобы ты перестала кричать и не мешала мне закончить? Надеюсь, ты оценишь мою доброту, девочка: я поранился ради тебя и не спал целые сутки, лишь бы ты изменилась.

По истерзанной лодыжке скользнуло несколько горячих струек, кожу снова обожгло огнем, а затем жар расползся дальше, охватывая бедро, живот, спину… Все тело невольно содрогнулось в агонии, но палач не обратил внимания.

Казалось, запах крови пропитал душный воздух насквозь. Он сделал его густым, вязким и вгрызался в кожу почти так же остро, как делал это эльфийский клинок. Этот запах был отвратительным, но до боли настойчивым. Он медленно убивал, просачиваясь через каждую пору. Почти обжигал, как жгла сейчас старательно льющаяся сверху кровь – эльфийская кровь, которую безжалостно втирали в еще свежие раны и старательно смешивали с человеческой.

По неподвижной детской щеке медленно скатилась одинокая слеза.

– Не волнуйся, девочка, – преувеличенно ласково сказал эльф, погладив разметавшиеся по столу каштановые вихры. – Как только все закончится, я позволю тебе забыть этот день. И сестру, и того сопляка, которого найдут еще не скоро. Никто не узнает, отчего он умер. Как никто не поймет твоей новой сути. Для них ты умрешь, дитя. Исчезнешь. И я позабочусь, чтобы прошлое тебе не мешало. Ты не вспомнишь ничего, кроме того, что обязана мне жизнью. И того, что я твой новый хозяин. Ты станешь моим лучшим творением за три долгих века поисков. Единственной из всех, кому удалось выжить. И всего через десять лет сможешь стать такой… Об этом ты и мечтать не могла…

Горящие торжеством зеленые глаза на мгновение зажмурились.

– Не бойся боли, девочка: скоро она уйдет, и ты никогда не вспомнишь про ее укусы. Не бойся уз, потому что через них я передал тебе очень многое: свою память, знания, опыт и даже больше. Я отдал тебе часть себя. Свое сердце, душу… потому что хочу, чтобы моя раса продолжала жить. И именно ты дашь ей новое будущее. Ты принесешь нам надежду и поможешь избавиться от гнойной язвы под названием человечество… Я подарил тебе прекрасную защиту, закрыл от всего, даже от собственной семьи. Разумеется, отец придет в ярость, когда я назову тебя своей парой, а братец снова попытается меня убить, но у него не останется шансов, потому что ты станешь лучше его ненависти. И сильнее его воли. Я дам тебе силу покорять. Сделаю нечувствительной к любой магии… Кроме своей, разумеется. Никто не посмеет тебя коснуться, просто взглянуть и остаться прежним, потому что твое новое тело станет другим. Ты будешь покорять, сводить с ума, ты будешь заставлять убивать ради одного твоего вздоха. Ни одно существо не сумеет дать тебе отпор, потому что, дитя, я сделал тебя совершенной. Моя женщина. Моя игрушка. Мое личное оружие…

Темный эльф мечтательно улыбнулся и сжал в руках окровавленное лезвие.

– Они говорили, что я сошел с ума. Считали, что у меня не получится, и утверждали, что люди не способны подняться выше смерти… Но теперь у меня есть ты, и они больше не смогут возражать. Мой шедевр, моя надежда, мое будущее. Да, я мог бы просто нанести руны на твою кожу, дитя. Мог бы порезать тебе запястья. Мог бы не накладывать уз и не делиться с тобой воспоминаниями. Я мог бы взять любую женщину своей расы и сделать ее первой… Но мне не нужна непокорная эльфийка, которая станет бесплодной через несколько жалких десятилетий. Я не хочу искать кого-то, кто будет желать меня так же,

как ты. Поэтому, девочка, я создал тебя. И готов подождать до тех пор, пока руны не изменят тебя окончательно. Поверь, очень скоро линии расправятся и оденут тебя неповторимым брачным покровом. Раны заживут, потому что я не стал бы уродовать тело, к которому намереваюсь прикасаться. Но я хочу каждый день видеть его красоту и гармонию. Каждый раз убеждаться, что другого такого нет. Всегда знать, что это – моя работа. И восхищаться ею как роскошной картиной в священных залах Иллаэра…

Зеленые глаза куда-то исчезли, но теперь он хорошо знал, что скоро вернется боль. Даже нет, не так, она усилится, а запах крови станет настолько невыносимым, что захочется умереть, лишь бы никогда его больше не чувствовать.

«Кажется, я ненавижу этот запах, – думал он. – Я никогда не смогу его забыть. Как не смогу забыть эти страшные глаза и сильные руки, что раз за разом заносят серебристый клинок и без всякой жалости вонзают его в мое тело. Я ненавижу тебя, темный. Ненавижу так, как никого и никогда раньше. Ненавижу твое лицо, в котором нет даже толики сострадания. Твои длинные пальцы, что так спокойно режут кожу. Я ненавижу твой смех. Твои косы и проклятый перстень, что не дает мне вздохнуть. Я ненавижу каждый час, что ты терзал мою сестру. Каждый миг, что ты находишься рядом. А еще я ненавижу твои воспоминания…. Твой мягкий голос, который так подробно описал мое будущее. И ненавижу даже себя – за то, что вызвал твой интерес. За то, что за эти сутки мне пришлось умереть сотни раз, но так и не дождаться забвения. Да, я ненавижу тебя, эльф! Весь твой проклятый род, твою память, твое темное сердце! Но особенно я ненавижу твои глаза… безумные, пронзительные глаза, в которых никогда не было жалости, которым чуждо понимание, которые никогда не умели сочувствовать… Мертвые глаза бессмертного, который потерял душу.

– Будь… ты… проклят… – неслышно шепнули губы. Тихо, как последний вздох. Неуловимо, на грани безумия. По ту сторону медленно уходящей жизни. – Будь проклят!

Эльф вздрогнул и неверяще обернулся, позабыв довести безупречно ровную линию до конца.

Она была последней, самой сложной и требовала от него полного сосредоточения, потому что одна-единственная ошибка могла испортить весь

кропотливый многочасовой труд. Расширившимися глазами он уставился на детскую руку, что вдруг сумела оторваться от столешницы и дрожащими пальцами сняла с груди тяжелый перстень. А вместе с ним завладела и могуществом.

Во взгляде темного промелькнуло непонимание, когда окровавленные пальцы мстительно впились в источник его бессмертия. А затем до него неожиданно дошло, что обездвиживающие чары почему-то исчезли. Как и то, что искаженное мукой лицо незаметно для него уже изменилось, а в глубине неистово горящих глаз зародилось нечто, чего он совсем не ждал.

По крайней мере, не ждал так рано.

– Будь ты проклят! – четко выговорили белые от ненависти губы.

Маленькая рука со всего маха ударила перстень об острые кромки стола, и эльф снова вздрогнул, увидев, как покрывается мелкой сеточкой трещин зачарованный изумруд. Этого не могло быть… не здесь, не сейчас! Но каким-то образом человеческому детенышу удалось повредить напоенный древней магией камень! А вместе с ним заставить дрогнуть бессмертное, внезапно ставшее уязвимым сердце и воспламенить щедро разлитую в подвале их общую кровь.

Она вспыхнула везде, куда успели упасть тягучие капли. На полу, на стенах, на потолке, даже на запоздало отшатнувшемся палаче. Правда, не тем изумрудным огнем, какое бывает от проклятия умирающего мага, а ровным, необычайно насыщенным янтарным пламенем, что призвал тот, кому еще не придумали названия, – человек, в котором текла теперь кровь темного чародея.

Родовой изумруд обреченно хрустнул, теряя силу, и почти сразу погас, возвещая об окончании долгой жизни бессмертного. Одновременно с этим исчез тусклый свет под потолком, а полыхнувший огонь мгновенно перекинулся на эльфа, его руки, лицо, туловище. И палач пронзительно взвыл, заметавшись по каменному мешку, но в панике позабыв, что чары не пропускают наружу ни единого звука.

Впрочем, страх охватил его ненадолго – резко остановившись, темный эльф внезапно осознал свою единственную ошибку: не стоило ему оставлять второе сердце рядом с тем, кто собрался умереть. Не стоило давать ему повода это

сделать, потому что беспомощный человеческий детеныш случайно… совершенно случайно обратился к тому единственному, что могло заставить кровь Изиара гореть истинным огнем, – к своей ненависти. К боли. И боль эта оказалась столь велика, что теперь пожирала темного эльфа заживо.

Он выкрикнул страшное ругательство, диким усилием сумев погасить боль в обожженных руках, и сжал пальцы, торопливо плетя смертоносное заклятие. Но внезапно почуял неладное, стремительно повернулся, всей кожей ощутив приближающуюся опасность. И все равно не успел отшатнуться, потому что вырванный из ножен добела раскаленный клинок по самую рукоять вошел ему прямо в сердце.

Эльф с силой отмахнулся, отшвырнув человеческую пушинку в сторону и нечаянно опрокинув ее на клетку, в которой кто-то приглушенно взревел. После чего вынужденно опустился на одно колено, схватился за рифленую рукоять и, вырвав из раны собственный меч, неверяще выдохнул:

– Не может… быть!

А потом взглянул на сверкающие письмена на теле изувеченного ребенка, на неуклюже выбирающуюся из клетки маленькую хмеру. Судорожно сглотнул, когда она жадно слизала с морды алые капли и старательно обнюхала неподвижное тельце… и только тогда наконец понял все.

Кровь… кровь струится из глубокой раны, от которой ему не будет спасения. Кровь повсюду: на полу, на стенах, на испачканном столе. Но теперь это уже другая кровь, сильная и… беспомощная одновременно, потому что даже она неспособна остановить тяжелую поступь рока. И даже она не смогла бы закрыть дыру в груди темного мага.

Сквозь ревущее пламя он увидел, как маленькая хмера торопливо облизывает тяжело заворочавшегося ребенка. Как странно вспыхивают ее глаза, как разгорается в них совершенно осмысленная ненависть. К нему ненависть, будто она поняла, кто убил ее стаю! Почти такая же ненависть, как у дрянного детеныша недавно. И еще он увидел, как бережно костяная тварь вдруг хватает тяжело дышащую девчонку зубами. Маленькую соплячку, которую она больше не собиралась убивать.

– Ненавижу… – снова шевельнулись бескровные губы, и в голубых глазах на мгновение отразился объятый пламенем враг: палач все еще был жив. И детское лицо вдруг страшновато изменилось, неожиданно оскалившись и показав маленькие острые зубки. Руки сами собой сжались в кулаки, тонкие пальчики нащупали вырванный эльфом клинок, затем еще один, но ударить второй раз не сумели – не хватило сил. Получилось только встать на четвереньки и, пошатываясь от слабости, доползти до заветной двери. Туда, где помощь, где люди… только бы добраться до них… только бы суметь…

А потом позади раздался поистине звериный рев.

Эльф был так близко и вдруг в последний миг какой-то человеческий обрубок одним словом перечеркивает всю его прежнюю жизнь! Все, чего он достиг! Все, к чему упорно стремился! То, что составляло смысл всей его жизни! А это… существо теперь безнаказанно уходит?! Забирает его родовые мечи, в беспамятстве волоча их по камням, как простые железки! Да еще и тащит за собой отчего-то присмиревшую хмеру, на которую у него тоже были большие планы?!

– Смерть вам! – мстительно шепнул бессмертный, исчезая в янтарном пламени. – Всем и каждому, кто здесь жил! Ненавижу вас, ничтожества! Проклинаю!

Таррэн вздрогнул и открыл глаза.

Глава 1

– Убью-у-у! – бешено взревел чей-то сочный бас. Дверь крохотной кузни с отчаянным скрипом отлетела в сторону и смачно ударилась о стену, едва не разлетевшись в щепу. – Где эти мерзавцы?! Как они посмели?!

Крикун яростно выдохнул, обведя налитыми кровью глазами столпившихся вокруг импровизированного полигона Стражей.

Стояло раннее утро. Вернее, не совсем утро, потому что заря еще только-только позолотила верхушки Сторожевых башен и осветила переполненный двор. Как правило, молодняк выбирался на занятия ближе к полудню, но сегодня они позабыли про вчерашние тревоги и, словно восторженная ребятня, столпились возле многочисленных тумб, сооруженных специально для тренировок.
И внимательно следили за двумя шустрыми Гончими, пытавшимися уже который час загнать темного эльфа в тупик.

Никто не знал, с чего началась эта погоня. Не задумывался, каким образом на полигоне столкнулись Шранк, Адвик и этот странный эльф. Не понимали, почему ушастый не использует магию, а отражает бесконечный град сыплющихся на него ударов исключительно родовыми клинками. Но, что самое главное, никто и подумать не мог, что он устоит против Гончих.

Правда, Шранка Таррэну достать так и не удалось – тот был слишком ловок. Да и с Адвиком нужно было держать ухо востро: парнишка хоть и успел словить тяжелую оплеуху, так и не коснулся ногами земли, что, по условиям поединка, приравнивалось к поражению. Но даже сейчас, морщась при попытке опереться на правую ногу, он не выпустил меча, не потерял головы и уже в который раз приготовился провести атаку.

От бешеного рева из кузни все трое одновременно отскочили в стороны и застыли в напряженных позах: Таррэн – на одном из уступов, где было проще обороняться; Шранк с напарником – на рядом стоящих тумбах. Гончие были обнажены по пояс и босы. Темный тоже предпочел играть босиком, однако большей вольности, чем слегка расстегнутый ворот на рубахе и закатанные до колен штаны, он себе не позволил.

С появлением гнома во дворе воцарилась оглушительная тишина, в которой было слышно только ровное дыхание Гончих, гневное сопение кузнеца да возбужденный шепоток юных Стражей, с восторгом следящих за происходящим.

– Крикун, ты чего орешь? – наконец бросил Шранк, сверля глазами низко пригнувшегося эльфа.

– Ты еще спрашиваешь?! – взъерошенный гном, потрясая доспехом из чешуи черного питона, едва не задохнулся от возмущения. – Опять броню испортили, вот что! Вы что с ней сделали, ироды?! Я целый месяц над ней корпел, а вы всего

за полночи…

– Брось, Крикун, – болезненно поморщился Адвик, старательно борясь с желанием заткнуть уши. – Ты ж знаешь, что на Белике все огнем горит. Ну, подумаешь, поцарапали немного… Ты бы после саламандры вовсе не встал.

– Какой еще саламандры? – подозрительно прищурился Крикун, безжалостно комкая чешуйчатую кольчужку.

– Той, которая чуть пополам его не перекусила. Хорошо еще, что челюсти не успела нормально сжать, а то плакал бы твой доспех кровавыми слезами.

Гном на какое-то время умолк, обдумывая новые сведения. Затем метнул быстрый взгляд на напряженного эльфа и даже собрался что-то сказать. Но неожиданно оценил качество его парных мечей и вдруг одобрительно крякнул.

– Слышь, Шранк, ежели вы его тут пристукнете, оставь мне ножики, а? Остроухому будет все равно, а мне пригодятся – картошку чистить.

Гончие оскалились, прекрасно зная о «теплых» отношениях двух древних рас, но Таррэн и глазом не моргнул. Только усмехнулся и крутанул родовые клинки так, что у Стражей внизу вырвался невольный вздох – это было очень быстро.

– Смотри, не обожгись, – негромко предупредил он.

– Не твоя забота, остроухий, – презрительно фыркнул гном.

– Конечно нет. Но если шарахнет молнией, не обессудь: от твоей кузницы не останется даже камня, а от некоторых вообще только мокрое место. Мелкое такое, рыжебородое и дымящееся.

Крикун нехорошо прищурился.

– Ты на что намекаешь, дылда? Тебя рост мой не устраивает? Или завидуешь бороде, безволосый сын Темного леса?

– Хм, – откровенно задумался эльф, краешком глаза подметив расплывающиеся в безудержных улыбках лица Стражей. – Рост – это мелочи, он меня никогда не смущал. А по поводу бороды… каждый носит то, что считает нужным. В конце концов, достоинство измеряется не длиной бороды.

Кто-то тихонько поперхнулся, но вовремя прикусил язык, не став уточнять, какое именно «достоинство» имел в виду дерзкий чужак. Впрочем, судя по предельно серьезному лицу эльфа… В толпе вдруг послышались сдавленные смешки, а Крикун сцедил сквозь зубы страшное проклятие.

– Думаешь, самый умный, да? – опасно спокойно спросил он, перебрасывая доспех через плечо. – А в морду не хошь, остроухий?

– Подставляй! – невольно вырвалось у Таррэна, прежде чем он сообразил, что в точности повторяет слова Белки, и прикусил язык.

Зато теперь даже Шранк не сдержался: ухмыльнулся во все зубы и ехидно покосился на гнома – того не просто перекосило, а буквально подбросило вверх, как пружиной. Маленький, пузатый, совсем коротышка, но уж если взовьется по-настоящему, то жди беды. Точно: вон как лицо побагровело. Ох, зря его темный дразнит.

Тем временем глаза у Крикуна действительно полыхнули нехорошим огнем, и без того немалая грудь широко раздулась, а пальцы сжались в громадные кулаки.

Бедняга: терпеть насмешки от людей он уже немного привык. Да и задевали его, надо сказать, нечасто – мало кому понравится получить в лоб увесистым молотом. Может, только Белик и рисковал провоцировать вспыльчивого гнома, да с него и спрос совсем другой. Но чтобы какой-то ушастый придурок…

Под ногами у Стражей вдруг шевельнулась земля.

– Опять, – вдруг притворно вздохнул сверху чей-то мягкий голос. – Вот так всегда: стоит только понадеяться на славное представление, как кто-нибудь обязательно все испортит. Крикун, ну что тебе стоило выйти на пару минут позже?

Таррэн ошеломленно обернулся и едва не вздрогнул, обнаружив точнехонько над своей головой, на одном из широких уступов, высеченных каким-то умельцем прямо в скале, довольно жмурящуюся хмеру, рядом с которой, беззаботно болтая босыми ногами, сидела до боли знакомая фигура.

На высоте в три человеческих роста! Белка сидела, опираясь спиной на тихонько урчащую сестру, и с нескрываемым разочарованием смотрела на не вовремя остановленную схватку, в которой явно готовился перелом.

Эльф знал, что вполне может не выйти из этого угла. Догадывался, что его попробуют зажать в клещи, и последние несколько минут лихорадочно искал способ выкрутиться. Однако Гончие не собирались давать ему этого шанса: хватит того, что целый час они, к собственному стыду, не могли его скинуть на землю. И вот у них почти получилось, да тут явился Крикун и…

При виде Белки у Таррэна словно камень с души свалился.

– Ты что там делаешь?! – окончательно взъярился гном. – Кого это тут саламандры покусали, а?! Тебе еще двое суток пластом лежать, а не скакать по всей заставе бешеной кошкой! Вон отсюда! Спать, я сказал! Живо!

Белка удивленно подняла брови, но вдруг улыбнулась так, что у мужчин тревожно екнуло сердце.

– Знаешь, Крикун, – мурлыкнула она голосом, от которого на миг перехватило дыхание. – Мне даже нравится, когда ты кричишь… Ты становишься таким милым… Соскучился, наверное?

Белка, позабыв про всех остальных, почему-то смотрела только на внезапно осекшегося гнома. Смотрела долго, внимательно, странным взглядом, в котором все быстрее загорались изумрудные огоньки, что у Таррэна, оказавшегося к ней слишком близко, едва не закружилась голова.

Он судорожно вздохнул.

Эти пронзительные голубые радужки, где порой вспыхивали изумрудные всполохи, с самого первого дня не давали ему покоя, завораживали и заставляли

сердце испуганно колотиться, как в моменты смертельной опасности. Они вынуждали его прощать то, чего он никогда и никому бы не простил, заставляли метаться в догадках и упорно искать способ приблизиться. Да, кажется, именно они сводили его с ума, потому что, скрывая главное, все же не могли спрятать странной силы Гончей. И это необъяснимое обаяние действовало на всех. Даже на светлых, неожиданно ставших удивительно покладистыми.

Но раньше Белка всегда держалась на почтительном расстоянии и лишь изредка приближалась, если не имела возможности уклониться. Как во время нападения агинцев, например. Или недавно, на тропе, когда одним только взглядом она заставила темного замереть. А теперь вот снова показала свою силу. На долю секунды, но этого хватило, чтобы рассвирепевший гном внезапно умолк, Стражи внизу неровно задышали, Таррэн замер, пытаясь успокоить взбунтовавшееся сердце, а Гончие опасливо попятились.

– И-извини, Бел, – пробормотал Крикун, поспешно уставившись в землю. – Но с твоей стороны нечестно испытывать на мне свои способности.

Белка, так же внезапно посуровев, отвернулась.

– Кажется, вас предупредили о гостях? – холодно спросила она. – Кажется, я просила не трогать никого из новичков?

Гончие отодвинулись еще дальше, старательно отводя глаза. Адвик и вовсе спрятал руки за спину, а сам внимательно изучал грязные ноги, одновременно размазывая ими пыль по тумбе, будто нашкодивший пацан. И, как все остальные, настойчиво не смотрел наверх, будто боялся, что если взглянет хоть раз, то уже не сумеет устоять.

– Доброе утро, Бел. Мы просто разминались, – немного нервно ответил Шранк. – Остроухий неплох: я только раз сумел до него дотянуться. И то случайно.

– В самом деле? – вдруг заинтересовалась Белка, покосившись на непроницаемое лицо темного эльфа. – И долго вы его гоняли?

– Где-то час.

– И вы его даже не поцарапали?

– Почти нет.

– Гм… – Она на миг задумалась, но потом милостиво кивнула: – Тогда ладно, развлекайтесь.

Напряжение в воздухе мгновенно спало, будто грядущая буря с громами и молниями благополучно миновала. Снизу послышался шорох, потому что молодые Стражи наконец обрели подвижность и стремительно разошлись по своим делам. А Гончие с огромным облегчением выдохнули. Только гном нашел в себе силы гневно фыркнуть и демонстративно отвернуться, сложив могучие руки на груди.

Таррэн тоже перевел дух, ощутив странную свободу, вернувшуюся к нему в тот момент, как Гончая отвела взгляд. А еще – непонятное разочарование, потому что она опять надела личину Белика и, видимо, больше не собиралась ее снимать.

Таррэн осторожно покосился наверх, еще осторожнее заглянул в ее глаза, где уже утихали знакомые зеленые искры, и вдруг понял, почему никто из присутствующих не повторил подобной глупости, не рискнул смотреть.

В них не было ничего жуткого, в этих глазах. По крайней мере, ничего такого, чего он не видел раньше. Те же чистые лесные озера, слегка подернутые быстро тающей изумрудной пленкой; то же странное обаяние, которому невозможно не поддаться; неуместная ранимость, так странно сочетающаяся с несомненной внутренней силой; та же железная воля, вызывающая желание склонить голову и не сопротивляться; тот же обжигающий холод, не дающий сделать подобной глупости… Все это он уже наблюдал раньше. И уже прочувствовал на себе: огонь и лед, вода и пламень, пугающее по силе влечение и тут же – не менее сильное отторжение, заставляющее мгновенно прийти в себя и шарахнуться прочь. Необъяснимое сочетание неумолимой тяги, замешенной на обманчивой доступности, и острейшего чувства смертельной опасности, какое испытываешь, стоя перед готовой к прыжку и не на шутку разгневанной хмерой.

Сколько раз он уже видел эти странные глаза! Сколько раз с усилием заставлял себя отворачиваться! Сколько раз понимал, что это настоящее безумие, но все

равно настойчиво искал способ снова их увидеть! Сколько говорил себе, что сходит с ума! Напоминал, что испытывать подобные волнения рядом с человеческим мальчишкой недостойно сына Темного леса! А вот теперь оказалось, что он не безумец. Что его упорно тянуло не к языкастому мальцу, а к красивой женщине, как и положено нормальному мужчине. Что все было как нельзя правильнее, и ответ лежал на поверхности, стоило только взглянуть повнимательнее…

Таррэн плохо помнил, что случилось потом. Просто вдруг ослабли ноги, а сердце зашлось в бешеном галопе, на висках выступил холодный пот, а руки ощутимо дрогнули. Затем – короткое мгновение беспамятства, полная неподвижность, во время которой он с трудом мог мыслить. Мгновенный зеленый вихрь перед глазами, а за ним – долгий выдох, снова осознание себя разумной личностью и наконец чувство невероятного облегчения, что он живет, дышит и пока неплохо себя чувствует. Он больше не поддался на ее страшноватое очарование. Только взмок, будто от тяжелой работы, да устал как собака – много сильнее, чем за время вынужденной разминки. После чего глаза Белки опять стали ярко-голубыми, а на лице появилась непонятная задумчивость.

– Крикун? – уже нормальным голосом позвала она. – Эй, не дуйся, старый ворчун. Просто ты меня рассердил, вот я и… погорячился немного.

– Да уж конечно, – неприязненно буркнул гном и, безжалостно скомкав драгоценный доспех, направился в кузню. – Делаешь для вас, стараешься, ночами не спишь, но ни одна собака не ценит! Один скалится, второй дерзит, отлично зная, что его прибить нельзя, а ты… Тьфу на вас! Вот уйду опять в горы, и сами тогда будете с этим хламом возиться!

– Да погоди ты! Крикун!

Гном недовольно оглянулся и с неожиданным злорадством проследил, как Белка осторожно спускается со своего насеста. Как бережно Траш поддерживает ее носом и как аккуратно помогает встать уже внизу.

– А здорово тебя потрепали, раз прыгнуть не решаешься, – мстительно заметил кузнец. – Даже железки не таскаешь, как всегда. Так тебе и надо, зараза двуличная! Может, хоть отучишься глазами сверкать где не надо!

Белка тихо вздохнула. Даже втянула голову в плечи, словно он задел больное место, и глухо уронила:

– Прости, Крикун. Я не нарочно.

– Ага. Конечно. Скажи кому другому, хмера недобитая!

– Я просто не всегда могу это контролировать. Честное слово, ты же знаешь.

– Ну разумеется. Просто я глупый карлик!

– Дурак ты бородатый! – неожиданно вспыхнула она и вдруг швырнула в гнома каким-то увесистым баулом, который, видимо, заранее оставила возле стены. – На! Держи! И только попробуй разбей!

Крикун машинально поймал сверток и с нескрываемым подозрением уставился на подозрительно булькнувшую ношу. И, похоже, едва сдерживался, чтобы не шарахнуть «подарочек» со всей силы о землю. Для невероятно вспыльчивого гнома такая реакция была бы в порядке вещей. Да, видно, здравый смысл все же возобладал.

– Это еще что? – с нескрываемым подозрением осведомился кузнец, брезгливо держа подарок.

– Ничего, – устало отозвалась Белка и, придерживаясь за костяные иглы хмеры, направилась к дому.

– Хочешь меня отравить, чтоб не портил тебе кровь?

Она промолчала.

– Эй! Чего там хоть налито?! Бел!

– Отвали! – наконец огрызнулась Гончая, после чего гном перестал докучать ей глупыми вопросами и, размотав сверток, обнаружил внушительных размеров бутыль из темного стекла.

Он осторожно развернул беленый холст, оберегавший хрупкую ношу от повреждений, отер стекло от многовековой пыли и взглянул на крохотную бирочку возле туго загнанной пробки. Даже цвет напитка не угадать, потому что стекло было непроницаемо черным. Но у гнома вдруг задрожали руки. Толстые пальцы непроизвольно сжались, вцепились, как в родное, прижали к груди, глаза слепо зашарили по мягким обводам старинного сосуда, а губы издали какой-то странный звук. Не то свист, не то стон.

– «Лунная заря»… – беззвучно выдохнул он, остановив неподвижный взор на крохотном оттиске на потемневшем от времени сургуче, где сияла трехлучевая звезда в окружении трех пиков неимоверно далеких Лунных гор. Его родных гор, где еще остались умельцы, знающие секрет самого редкого и поистине бесценного сорта вина, которое только можно себе вообразить. Легкое, немного терпкое, прозрачное, как слеза младенца, и таящее в себе столько восхитительных оттенков, что за обладание всего одной бутылкой можно было отдать целое состояние. Единственное вино, которое уважали даже привередливые и крайне взыскательные эльфы. Маленькая драгоценность, стоившая баснословных денег. Настоящее сокровище для одного старого, ворчливого, недогадливого гурмана, которое он сдуру едва не разбил.

– Б-белка…

– Скажи спасибо, что Карраш спер его из дворцовых подвалов, а наше щедрое величество не стало возражать, – проворчала она, почти исчезнув в узком проходе между дворами. – Я всю дорогу трясся, чтобы не разбить. Терпел, не трогал, берег как зеницу ока. И все ради тебя, дурень.

– Дурень, – покорно согласился гном, любовно прижимая к себе стеклянное сокровище, а затем со странным выражением посмотрел на поцарапанную кольчугу, из которой едва не рассорился с Гончими, и очень тихо сказал:

– Я тебе два таких доспеха скрою. Хоть сотню, если будет из чего… Ведь «Лунная заря», да еще такой выдержки, бесценна!

Белка неожиданно обернулась.

– Цена у нее есть: моя жизнь, если ты не понял. И она уже дважды уплачена. Так что наслаждайся букетом и не удивляйся слишком сильно, если в своей комнате

вдруг найдешь еще одну бутыль. Думаю, сам поймешь за кого.

При виде непередаваемого выражения на бородатой физиономии Белка слабо улыбнулась. А Крикун еще долго стоял как громом пораженный, не в силах произнести ничего вразумительного. Только отрешенно смотрел на измятый доспех, на драгоценную бутылку. Затем глянул на восхищенно прищелкнувших языками Гончих, что еще не полностью отошли от мимолетного взгляда своего вожака. И наконец повернулся к оторопевшему эльфу.

– Цени, остроухий, – непривычно тихо сказал ворчун и горлопан, пристально глядя на Таррэна. – Цени, потому что сегодня я забуду твою насмешку. И не стану просить скального брата пришибить тебя где-нибудь в темном углу. Я позволю тебе жить на заставе спокойно, потому что не отказываю тем, кто может так просить за твою жизнь, хоть ее, на мой вкус, оценили слишком высоко.

Крикун коротко сверкнул внезапно посветлевшими радужками, в которых полыхнуло настоящее подгорное пламя, и, не добавив больше ни слова, ушел.

Таррэн ошеломленно моргнул, слишком медленно сознавая, что едва не раззадорил одного из магов маленького народа, который каким-то чудом оказался среди людей и который, что самое удивительное, не счел нужным скрывать свое истинное могущество. Гномы очень тщательно прятали свою силу. А если учесть, что характер у них не ахти какой мягкий, стоило оценить этот великодушный жест, достойный потомка королевского рода. Тем более что редкие самородки-маги во все времена и у всех родов бессмертных действительно рождались только по одной линии – у правящей династии. А скальный брат… Гм, насколько Таррэн помнил, гномы так называли свои полуразумные творения, с которыми были связаны подобием кровных уз. Здоровенные, с огромными ручищами, без труда дробящими в пыль камни, с широкой пастью, которой они могли прогрызать широкие тоннели…

И вот такой гном-маг неожиданно нашелся здесь, вдали от гор, своего рода, дома и даже гномьих застав!

– Да-а-а уж, – со странным выражением протянул Шранк, пристально разглядывая пораженного до глубины души эльфа. – Если уж Крикун тебя признал… Торк! Неужели твоя шкура стоит целой бутылки?!

– Белик явно переплатил! – недовольно фыркнул Адвик, растирая затекшее плечо.

– Не уверен, друг мой… Ладно, закончили на сегодня. Пусть молодежь разминается, а у нас еще есть дела. Надо бы на холмы наведаться: почистить, что осталось. Да саламандру до конца ободрать, пока еще не все утащили. Там же чешуи на половину заставы хватит! Слышь, темный, не хочешь поучаствовать?

Темный эльф пожал плечами:

– Почему нет?

– Прекрасно. – Шранк едва заметно кивнул. – Адвик, ты топаешь на Гору, берешь с собой Иктара, Навира и Брока. И постарайтесь до обеда управиться: там Седой хочет всех собрать, чтобы уладить кое-какие вопросы. Так что туда и обратно, понял?

– Может, Вторую лучше подорвать для верности? Вдруг там есть ходы глубже, чем учуяла Траш? Да и Лысый холм проверить не мешает.

– Иди, умник, – усмехнулся Шранк. – На Лысый парни уже ушли: там возни всегда больше. Просто Иктар с Броком поутру поцапались, как только могут ланниец с занийцем, так что я дал им время остыть, а тебе – лишний раз потренироваться. Так что топай давай, а если будут зубы скалить, то передай, что я им их выбью, если к моменту пробуждения Белика Гора будет стоять где стояла. Кстати, Крикун еще вчера расщедрился на свои «огоньки», поэтому взрывай сколько захочешь.

Адвик наконец расплылся в коварной усмешке и, закивав, испарился.

Глава 2

С высоты крепостной стены Таррэн до самого вечера следил за поднявшейся внизу суетой. За неполный день Стражи умудрились не только очистить

перепаханное поле от трупов, не только сожгли все, что еще ползало и жалобно попискивало, не только добили случайно уцелевших и сумели безжалостно ободрать убитую саламандру, но даже ни разу не прервались на отдых. Лишь беспокойно посматривали на быстро темнеющие небеса и, понимая, что всего на свете не переделаешь, неслышно ругались.

Ночь в Серых пределах – это время активного бодрствования. Днем здешние хищники, как правило, отдыхали и отсыпались, зато к вечеру все громче становился рев невидимых хмер, все чаще замирал воздух от проносящихся поверху летунов и все тревожнее вскрикивали их жертвы. Кто ими станет сегодня? Неизвестно. Каждая ночь – как поле боя, который из века в век становится лишь ожесточеннее. И хоть при свете дня зверье редко забредало в окрестности заставы, все равно стоило поспешить.

Урантар в который раз окинул взором далекие деревья, оценил стремительно чернеющие небеса и, отерев повлажневший лоб, дал отмашку возвращаться. Все, больше они сегодня не успеют. Хорошо хоть огненную саламандру ободрали как липку, сняв драгоценную шкуру. Второго такого шанса уже не будет: зверье обглодает тушу так, что останутся только кости. Проклятый лес не любил оставлять следов. Но, слава богам, времени хватило, да и эльф помог, надрезав родовыми клинками твердую, как камень, шкуру. Благодаря ему бесценную чешую удалось стащить, как перчатку, целиком, вместе с кожей. Скоро у Стражей появятся не только славная броня, но и прочные щиты.

Таррэн проследил за споро возвращающимися Гончими, слегка кивнул Шранку, который до последнего следил за границей леса. Обменялся выразительным взглядом со Стрижом, ответил на приветственный кивок Мухи и второго напарника по вчерашней схватке, отрицательно качнул головой на приглашение воеводы перекусить и, дождавшись, когда тот уйдет, снова уставился на заметно оживившуюся к ночи растительность.

Впрочем, мыслями он был далеко от Проклятого леса – недавний сон совершенно выбил его из колеи. Почему так случилось, что он опять заглянул в прошлое Белки? Ведь узы были уничтожены – Таррэн, усомнившись в этом, сегодня уже проверил. Однако сон был. Причем Таррэн, если бы захотел, и сейчас мог услышать вкрадчивый голос брата. Его кожа до сих пор помнила прикосновения эльфийского клинка, а к горлу подкатывала тошнота от одного воспоминания о тяжелом, насыщенном запахе крови, от которого все не удавалось избавиться.

Утренний поединок не помог вытравить из памяти этот страшный запах. До самого вечера эльф был рассеян, задумчив и невнимателен. На вопросительные взгляды попутчиков не отвечал, осторожные намеки светлых пропустил мимо ушей, несколько колкостей от рыжего перенес со стойкостью закаленного в бою клинка, полные восхищения и любопытства взоры Стражей проигнорировал. Зато с охотой откликнулся на предложение Гончих развеяться; еще охотнее помог Седому с саламандрой, а затем с необъяснимым удовольствием прошелся по выжженной земле, едва не забредя в опасные заросли. Хорошо, Урантар вовремя окликнул, но с тех пор посматривал так внимательно, будто что-то заподозрил.

Пришлось, скрывая досаду, вернуться на заставу и забраться на самый верх одной из башен, куда редко заходили даже дотошные Сторожа. Как оказалось, правильно забрался, потому что только здесь, наверху, подставив лицо прохладному ветру и невидяще глядя на бесконечно убегающий горизонт, он смог успокоиться по-настоящему. От раскинувшегося перед глазами мрачноватого вида на Проклятый лес Таррэну, как ни странно, стало легче. Темнота приглушила воспоминания, пережитая боль постепенно отдалилась, чистый воздух, наполненный ароматами трав, понемногу вытеснил тошнотворный запах крови, и лишь тогда темный эльф смог наконец вдохнуть полной грудью.

Он еще долго стоял на пустой площадке, напряженно гадая о причинах сна. Рассеянно следил за сменой караула на стенах, привычной для Стражей суетой во дворах. Однажды вздрогнул от щекотки за левым ухом и невольно поежился, встретив насмешливый взгляд хмеры, но незаметно подкравшаяся Траш уже проворно спрыгнула со стены – охотиться. Карраш чуть задержался, чтобы проурчать в длинное ухо эльфа что-то предостерегающее, и тоже соскочил вниз, не собираясь упускать ни единой возможности подкрепиться.

Таррэн снова вздохнул и, поняв, что слишком долго отсутствовал, неохотно спустился. Седой сказал: им пара дней нужна для адаптации, так что надо поспать. Тем более скоро полночь, новых атак в ближайшее время не будет – местным обитателям нужно время, чтобы собраться с силами, подпирать собою стены тоже нет необходимости, а разгадка все равно не возникнет сама собой из воздуха. Разве что у Белки спросить?

Темный эльф поспешно задавил неуместное желание повернуть в сторону знакомого домика. Мало того что его хозяйка еще не пришла в себя, так

наверняка еще и Шранк где-нибудь поблизости ошивается. А то и вся стая пасется под дверью, охраняя чуткий сон своего вожака.

Стараясь выкинуть глупые мысли из головы, он пересек задний двор, но у самого выхода все же не утерпел – оглянулся. И почему-то вопреки ожиданиям ни одной Гончей рядом не обнаружил, отчего желание заглянуть в домик стало просто непереносимым.

Хмер сейчас в крепости нет, никакой другой охраны у домика – тоже… Казалось бы, что мешает ему зайти и поговорить?

Лишь немалым усилием воли Таррэн удержался от соблазна и заставил себя уйти. А когда добрался до перехода между дворами и понял, сколько сил забрала у него эта внутренняя борьба, то в изнеможении прижался лбом к холодному камню.

Боги… что же такое творится?! Почему он не может просто уйти и забыть о том, что видел? И почему повсюду чувствует ее запах?!

– Чего замер, ушастый? Хотел о чем-то спросить? – вдруг насмешливо поинтересовался из темноты подозрительно знакомый голос, заставив Таррэна вздрогнуть. Неужели он все-таки влип?! – Можно подумать, я тебя не слышу! Выползай, раз уж пришел. Правда, тут темновато, но для тебя это не должно стать проблемой, верно?

– Верно, – мягко ответил другой голос, и до изумленно замершего Таррэна донесся шорох чужих шагов.

Элиар?! Ему-то здесь что понадобилось?!

Он осторожно выглянул за угол: да, Белка была здесь. Босая, одетая в холщовую рубаху и мешковатые штаны, она, кажется, уже давно здесь тренировалась. По крайней мере, волосы у нее были влажными, ладошки и стопы успели испачкаться в песке, да и штанины на коленках заметно запылились.

Перескочив с одной угловатой тумбы на другую, а затем и на третью, Гончая ловко вскарабкалась на верхушку одной из колонн и уже оттуда с нескрываемым

интересом уставилась на подошедшего светлого.

– Что, ушастый, не спится?

– Нет, – кротко ответил Элиар, глядя на нее снизу вверх. – А я думал, ты до утра не встанешь. Да и потом будешь хромать и охать.

– Не дождешься, – дерзко хмыкнула Белка, болтая ногами в воздухе.

– Вроде Урантар про три дня говорил? В смысле, что тебе столько хватает для восстановления? – не обратил внимания на насмешку эльф. – Или он ошибся?

– Не ошибся. Только иногда все равно надо вставать, чтобы перекусить. А потом еще пару часов сидеть без сна, иначе не усвоится.

– Чего же ты тогда бегаешь здесь, а не сидишь на месте?

– Так надо.

Элиар оперся плечом о соседнюю тумбу и бросил наверх быстрый взгляд. Белка… Маленькая, ловкая, гибкая и хитрая, как сто хмер. Невероятно скрытная, но очень-очень умная Гончая, которая заметно припадает на правую ногу и бережет живот, где под свободной рубахой даже в темноте угадывается плотная повязка.

– Тебе же больно, – наконец тихо сказал он. – Никакая броня не поможет избежать переломов от таких челюстей, как у саламандры. Будь она хоть из чешуи дракона, сила удара все равно такова, что тебя должно было смять! Белка…

– Белик, – строго поправила она. – Не забывай: всегда только Белик, и никак иначе.

Светлый вздохнул.

– Конечно, я не лучший в этом мире целитель, но даже мне понятно, что ты переломала… прости, переломал половину ребер. Да и в бедре как минимум

должна быть трещина. Зачем ты это делаешь? Тебе ведь больно!

– Да, – тихо призналась Гончая. – Один зуб пропорол доспех, а другие порвали ногу. Если бы не Траш, я бы сегодня вообще не встал.

– Тогда зачем?

– Просто мне нельзя без движения. Я должен постоянно двигаться, чтобы раны затянулись. Скоро снова идти в лес. А раны… Ничего, не в первый раз.

– Хочешь помогу? – неожиданно предложил Элиар.

– Ты?! – искренне изумилась она.

– Да. Думаю, я мог бы тебе помочь.

Белка покачала головой.

– Вот уж не ожидал от тебя великодушия.

– Я ж не дурак, в самом-то деле, – буркнул эльф, отводя глаза. – А от тебя слишком многое зависит.

– А разве это единственная причина?

На долгое мгновение во дворе воцарилось неловкое молчание.

– Зачем ты пришел, Элиар? – беззвучно шепнула Гончая, и светлый снова поднял голову, неосторожно встретив ее взгляд.

После чего надолго замер, внезапно ощутив, что проваливается в какую-то бездонную пропасть. Как и раньше, на тропе, когда он рискнул впервые заглянуть в эту ледяную бездну. Не отказался от ее сумасшедшей идеи, а наоборот, доверился, признал право повелевать, покорно склонил голову и… выжил?

У него стремительно расширились зрачки, гулко и тревожно стукнуло сердце, по телу прошла волна необъяснимого жара, а затем наступило странное оцепенение, в котором было хорошо и как-то очень спокойно. Правильно, что ли? Он не мог объяснить. Просто чувствовал, что так должно быть, и совершенно не хотел сопротивляться.

– Прости, Элиар, – наконец сказала Белка, отворачиваясь. – Но на меня не действует магия.

Он вздрогнул и так же неожиданно очнулся от наваждения.

– Что, совсем?

– А ты знаешь другую причину, по которой я могу спокойно касаться ваших клинков? Так что не трать понапрасну силы и не беспокойся: я выдержу. А если хочешь помочь, то… Может, составишь компанию на вечер? Только сапоги, пожалуй, сбрось, а то ноги до крови стопчешь.

Элиар изумленно крякнул.

Ничего себе предложение! Побегать вместе с ней на тумбах, соревнуясь в скорости?! Еще пару дней назад он бы скривился и ответил категорическим отказом, но сейчас почему-то заколебался. Даже по сторонам огляделся, словно опасался, что его застанут за таким неподобающим занятием. А потом подумал и… медленно стянул обувь.

Белка все это время внимательно за ним наблюдала.

– Тебя не смутит, если я сброшу рубаху? – небрежно осведомился эльф, подходя к ближайшей тумбе и бережно ощупывая ее неровную поверхность.

Гончая насмешливо хмыкнула.

– После того как на вас три недели пришлось любоваться во всех видах? Меня вообще очень сложно смутить. Можешь и штаны до колен закатать – так гораздо удобнее. Пояс тоже снимай. Меч – тем более: здесь он тебе не понадобится. Первый круг, так и быть, я дам тебе пройти одному, чтобы привык, а потом

погоняемся. Прыгать можно на любую опору из любого положения, цепляться хоть ногами, хоть зубами, хоть чем угодно, если умеешь. Общее направление – слева направо, но строгих ограничений нет. Кто первым слетит на землю, тот и проиграл. Только, чур, по ребрам не бить.

Элиар, окончательно придя к выводу, что сошел с ума, а сумасшествие – не порок, проворно избавился от куртки, скинул рубаху, чтобы не испачкать. Так же быстро закатал обе штанины и, ухватившись за намеченный выступ, ласточкой взлетел наверх. Затем быстро обежал глазами импровизированную площадку, отметил разную высоту тумб, близость некоторых крыш, ширину колонн. Уверенно смерил расстояние до ближайших площадок, мысленно проложил несколько возможных маршрутов и наконец на хорошей скорости одолел первый круг. После чего убедился в правильности собственных выводов и обернулся.

Белка оценивающе прищурилась, бесстыдно изучая остроухого, но его красивая фигура действительно производила впечатление. Плечи широкие, руки жилистые. Волосы длинные, забраны в сложную прическу, чтобы не мешались. А лицо… Эх, какой только бог сотворил ушастых по своему образу и подобию? Взглянуть бы на него одним глазком!

Элиар, заметив ее интерес, улыбнулся уголками губ: женщины никогда не обделяли его вниманием.

Белка в ответ только хмыкнула и натянула перчатки.

– Начали!

Эльф сорвался с места, как выпущенная из лука стрела. В мгновение ока преодолев оставшееся до противницы расстояние, он почти схватил ее за рукав… и вдруг понял, что стоит на проклятой тумбе один-одинешенек, а Гончая улыбается на соседней площадке.

Элиар тихо ругнулся и прыгнул снова, а потом еще и еще раз. Затем перестал сдерживаться и рванул вперед со всей доступной скоростью, но все равно едва поспевал. Белка прыгала, скакала, уворачивалась, буквально перелетала с тумбы на тумбу, ловко избегала протянутых рук и не позволяла себя даже коснуться. А скоро начала и ехидно посмеиваться: мол, не так уж и быстры ушастые лорды.

Раздосадованный эльф тихо зарычал.

Спустя всего двадцать ударов сердца он понял, что она слишком быстра. Через сорок – что она очень вынослива. А еще через десять – что способна даже перворожденного заткнуть за пояс. Элиар коротко выдохнул, сетуя на собственную неловкость, а затем наткнулся на откровенно прицельный взгляд с соседней крыши и, послушавшись мудрого сердца, резво отскочил в сторону. Кажется, она больше не желает убегать?

Белка зловеще улыбнулась и, оттолкнувшись ногами, буквально прыгнула на обеспокоившегося светлого. Надо же, как быстро он понял, где подвох! И теперь улепетывает с достойной уважения скоростью! Даже повернуться и напасть не решается, потому что, похоже, понимает, что не успеет. Ловкач, ловкач…

Она высоко подпрыгнула, распластавшись в полете подобно охотящейся хмере. Одним махом перескочила сразу две подходящие для атаки площадки, надеясь, что встревоженному эльфу не придет в голову мысль остановиться или свернуть не в ту сторону. Перекувырнулась, пролетела прямо над головой судорожно выдохнувшего противника, приземлилась на его пути буквально за мгновение до того, как он шагнул на ту же самую площадку. И, резко оттолкнувшись, мощно прыгнула обратно, прямо на лету разворачиваясь и целя пятками ему в грудь.

Мгновение недолгого полета… судорожный вздох, нелепый взмах рукой, и Элиара смело с тумбы, как пушинку.

Уже лежа на спине, жадно хватая ртом прохладный ночной воздух и пытаясь сообразить, каким образом она сумела то, что сумела, эльф неожиданно понял, что проиграл. Наглая Гончая просто скинула его с опоры, крепко приложив спиной и тем, что пониже, о дьявольски твердую землю. С’сош! Хорошо еще, что тумба была низкой и он не потерял сознания. Только треснулся всем чем мог, испачкался, как свинья, да еще и встать не может!

Элиар собрался было выругаться, но с удивлением обнаружил, что не способен даже на это, потому что на его груди откуда-то взялась немалая тяжесть.

Дождавшись, когда на физиономии светлого появится осмысленное выражение, Белка улыбнулась шире и со знанием дела уперлась коленом ему в кадык.

– Ну? – промурлыкала она, наклоняясь над поверженным эльфом.

– К’с-с-саш!

– Как выразительно. Но мне всегда казалось, что ваш язык гораздо богаче. Еще круг?

Элиар мрачно покосился на нее снизу вверх, но спихнуть с себя наглую Гончую не успел: она молниеносно соскочила и без промедления вспорхнула на ближайшую колонну, где снова с удобством уселась и загадочно хмыкнула. Эльф, тоже поднявшись, хмуро покосился наверх.

– Белик, ты вообще человек?

– Гм… – откровенно задумалась Гончая. – Если к Стражам это слово применимо, то да. Мои родители – люди, и никаких полукровок среди обеих ветвей моего рода, если тебя это интересует, не было. Только смертные.

– Точно?

– Неужели сомневаешься? Во мне или в себе?

– Во всем, – все еще сердито буркнул эльф. Затем тихонько вздохнул и неуклюже забрался на ту же тумбу. Спина все еще поднывала, в голове звенела на зубах противно хрустел песок. Видя, что Белка пока не рвется продолжать свое безумное занятие, он осторожно уселся рядом и покачал головой.

Торк! Но кто ж знал, что она настолько ловка?! А если бы он свалился с тумбы повыше? Да еще на такой бешеной скорости? А если бы нога зацепилась за одну из многочисленных трещин и он бы хряпнулся лицом вниз со всего размаху?
А если бы ему каким-то чудом удалось опрокинуть сейчас ее? Ударить так, чтобы и она тоже пыли наелась? Тогда бы она сбавила темп? И стала действовать хотя бы чуточку осторожнее?

Впрочем, раз уж она вчера помогать себе не позволила, то и сейчас наверняка поблажек себе не даст. Как все, будет носиться, прыгать и… рисковать остаться калекой на всю жизнь!

Неужели ей это нужно?!

– Да, – вдруг сказала Белка, словно услышала его мысли, а на искреннее изумление перворожденного очень спокойно пояснила: – А все спрашивают. Как узнают правду, так и ползут вереницей под окна: вразумлять, вопрошать, интересоваться, что я тут делаю. Да еще на пару с хмерой.

– Так уж и все? – недоверчиво приподнял брови эльф.

– Абсолютно. Слетаются быстрее, чем мухи на мед. Или на дерьмо, кому как больше нравится. А результат все равно один: возбужденно галдящая и роняющая слюни толпа у порога.

– Ты что, не любишь мужчин? – очень осторожно уточнил Элиар.

– Нет. – Белка внезапно посуровела и холодно посмотрела. – Я их убиваю.

Он чуть вздрогнул, увидев страшноватые зеленые отсветы в ее глазах, и невольно отодвинулся к краю. Бездна! Сейчас туда действительно было страшно заглядывать. И хотя прежнее очарование ничуть не ослабло, сейчас к нему примешивалось необъяснимое, но невероятно сильное ощущение угрозы. И в какой-то момент оно стало настолько острым, что по коже пробежали холодные мурашки, а сердце предательски пропустило удар. Правда, только на миг. А затем страх и безумная привлекательность Белки переплелись между собой так тесно, что Элиар совсем перестал понимать, чего именно хочет.

Всего месяц назад он сказал бы, что такого не бывает. Что его, хранителя трона, никогда не смогла бы заинтересовать эта двуличная девчонка и не привлекла бы, даже танцуя в голом виде на столе… Но вот она сидит рядом, и в крови бушует пожар. Да такой, что ему уже трудно сдерживаться, а в голове табунами гуляют нескромные мысли. Недаром он весь остаток ночи не спал и проклинал про себя ее коварный доспех, склепанный словно нарочно, чтобы соблазнять и покорять. А днем изводил себя вопросами, бесконечно сомневался, гадал, с нетерпением ожидая, когда Гончие исчезнут со двора. Караулил ее, как малолетний романтик, надеясь непонятно на что. А теперь сидит бок о бок, как дурак, боясь чего-то и едва не краснея.

Точно, дурак. Шестисотлетний ушастый дурак. Но он бы рискнул и дальше смотреть в эти необычные глаза, рискнул бы даже коснуться ее кожи, поддался бы искушению, что с каждой минутой становилось все сильнее…

Ее взгляд мгновенно похолодел и заставил замереть на месте. «Я их просто убиваю…» – так она сказала недавно. И в этом слышалась какая-то жутковатая истина.

– Ты воин, Элиар, – неестественно ровно продолжила Гончая, словно не заметив его смятения. – Хороший воин, который многое видел и многого достиг. Сражался, убивал. Твой меч выкован лучшими оружейниками Светлого леса. И, будучи хорошим воином, ты никогда не обнажаешь его просто так, для забавы или чьей-то потехи. Ты знаешь, что оружие этого не любит. Как знаешь и то, что есть клинки, которые не стоит обнажать никогда. Которым нельзя покидать ножны и которыми можно только любоваться. Издалека…

Белка наконец отвела потяжелевший взгляд и невидяще уставилась в темноту.

– Я такой клинок, Элиар. К сожалению или к счастью, но это правда. Я просто хороший клинок в богато украшенных ножнах. Такова моя жизнь и мое проклятие, потому что я, как и оружие, умею лишь одно – убивать. Правда, делаю это очень хорошо.

Элиар вздохнул, сбрасывая некстати охватившее его оцепенение, но все же рискнул подвинуться чуть ближе. Сдаваться он не собирался. Не тогда, когда она так близко. Не сейчас.

– Я умею обращаться с оружием, Белик, – старательно подбирая слова, сказал он главное.

– Поранишься, – предостерегла она.

– Я не боюсь боли.

– Ты не знаешь, о чем говоришь.

– Тогда дай мне шанс узнать.

– Элиар…

– Да, ты права: я воин, – настойчиво повторил эльф. – Но я хорошо знаю, что пылящийся в ножнах меч бесполезен. Он не принесет миру то, что в него заложено, а ваши боги порицают это. Они говорят, что каждый нужен для выполнения своей задачи: ты, я… даже Проклятый лес. Бел, каждому клинку нужна твердая рука. А еще возможность хотя бы раз спеть песнь смерти. Или жизни.

– Ты не понимаешь…

– Так объясни. Я пришел, чтобы понять.

Белка тяжело вздохнула и неловким жестом подтянула ноги к груди, словно хотела от чего-то защититься. Обняла колени руками и ненадолго замерла, прикрыв глаза. Но от этого простого, какого-то детского движения аура угрозы, так внезапно появившаяся несколько минут назад, неожиданно растаяла.
А рядом с эльфом осталась лишь теплая ночь, волнующая тишина на пустом полигоне и очень красивая девушка, которую он разглядел только вчера. Но которая, он знал, больше никогда не уйдет из его мыслей.

– Белка…

Она грустно покачала головой.

– А ты настойчив, Элиар.

– Да, мне говорили, – мягко улыбнулся эльф.

– Не боишься ошибиться в выборе?

Он словно не услышал. И даже сейчас не уставал краешком глаза любоваться на ее точеный профиль. Как же он пропустил такую жемчужину? Почему не задумался раньше, когда сердце впервые дрогнуло? Почему не смог увидеть очевидного? Эти волшебные радужки, эти точеные скулы, мягкие губы, созданные для того, чтобы дарить наслаждение?

– Неужели тебе никогда не хотелось иной жизни? – хрипло спросил эльф. – Не хотелось уйти от войны? От крови? Ты рискуешь здесь каждый день, рвешься в самую гущу и совсем не дорожишь собой… Зачем, Белик? Зачем, если ты могла… мог бы быть счастлив?

– Это не тебе решать.

– Возможно. Но тридцать лет – немалый срок для человека, а ты тратишь лучшие годы в Серых пределах вместо того, чтобы наслаждаться жизнью рядом с теми, кто тебе дорог.

– Все, кто мне дорог, рядом, – тихо ответила Белка. – Они всегда со мной. И только им я верю: Траш, Каррашик…

– Я не об этом, – мягко прервал ее светлый. – Неужто за два десятилетия… ну ладно, за одно, после того как ты повзрослела… тебе не встретился человек, с которым захотелось бы иной судьбы? Другой жизни? Мира? Радости? Любви, наконец! Неужели никто не смог стать тебе ровней? Никто не был достоин? Белик?

Она медленно повернулась и словно в первый раз оглядела эльфа с ног до головы. А что? Хорош собой. Да что там – красавец! Строен. Смел. Силен. Ветер игриво развевает шелковые золотистые пряди. Зеленые глаза смотрят с неподдельным интересом и затаенной надеждой…

Белка насмешливо фыркнула.

– Ты себя, что ли, предлагаешь?

– А чем я плох? – ничуть не смутился Элиар.

Она только вздохнула. Скажи кому, что высокородный эльф предлагает себя сам… И ведь он искренен сейчас. Все они искренни. Да только зря все это. И он распинается тоже зря.

– И почему с вами так сложно? – Белка устало потерла виски. – Почему надо сперва от души врезать, чтобы вы наконец поняли, что ко мне не стоит

приближаться? Почему до мужчин только через тумаки доходит, что мое присутствие рядом не означает непременного согласия?

Она тяжело вздохнула и прошептала:

– Десять лет… Десять проклятых лет вы треплете мне нервы. Целых десять лет не желаете признать, что не способны мне помочь. Неужели это так сложно – оставить меня в покое?! Я сделал все, чтобы этого не повторялось. Ношу исключительно мужскую одежду. Я ни знаком, ни жестом стараюсь не напоминать вам о правде. И столько времени валяю дурака, чтобы вы запомнили, насколько хорошо и больно я могу ударить! Я злю вас, бешу, довожу до последней грани, чтобы никто не почувствовал лишнего. Но вы как паутина: липнете и липнете, без конца и края…

Она вдруг крепко зажмурилась и окончательно растеряла всю свою уверенность, ту стальную и почти непробиваемую оболочку, за которой столько времени удачно оборонялась. Будто в кои-то веки сдалась. Сломалась. И это напугало сидящего рядом эльфа больше, чем презрение, которым его не раз окатывали с головы до ног. А второго, в изнеможении прижавшегося лбом к холодному камню, и вовсе как в ледяную воду окунули.

– Я обидел тебя? – вдруг встревожился Элиар. – Прости, не хотел, чтобы это прозвучало грубо. Просто у нас иные традиции и, если я тебя задел… Извини, ладно?

Гончая невесело покачала головой:

– Меня мало чем можно задеть: за столько лет чего только не наслушаешься. Но ты хоть сам соображаешь, что делаешь?

– Вполне.

– Ничего ты не соображаешь! Ни-че-го! – вдруг зло прошептала она. – Ты хоть раз подумал, почему тебя ко мне тянет?! Хоть одной извилиной пошевелил, прежде чем примчаться сюда, как зверь в период гона?! Нигде не шелохнулась мысль, что это неправильно?! Что тебя не должно волновать мое присутствие, потому что я всего лишь человек! Которого ты к тому же абсолютно не знаешь!

– Нет, – озадаченно сказал эльф. – По-моему, все правильно: я мужчина, ты женщина.

– Дурак… какой же дурак… еще один на мою больную голову! – Она бессильно сжала кулаки. – Битый час распинаться об одном и том же! Целый вечер угрохать, отбить весь язык, а толку… Наверное, это действительно невозможно: объяснить мужчине, что он очень хорош, но не здесь, не со мной! И не потому, что с ним что-то не в порядке. Как, ну как вам еще объяснить, что ко мне не стоит приближаться?! Как сказать, что этого просто нельзя делать, потому что мне это принесет боль, а вам…

– Хочешь, я уйду? – тихо спросил Элиар. – Я больше не побеспокою тебя. Не стану ничего говорить. Просто уйду и забуду? Я тебе противен?

Белка, помолчав секунду, снова вздохнула.

– Ты ни при чем, честное слово. И ты очень красив, Элиар. Настолько, что наши парни до сих пор завистливо вздыхают, а любая девчонка на моем месте сомлела бы от восторга. Но здесь другое. Извини, что сорвался. Не хотел тебя обидеть. К тому же с тобой, на удивление, все прошло гораздо легче. Просто я устал, давно не спал, да и бедро некстати разнылось. Наверное, не стоило так напрягаться и скидывать тебя вниз? Кстати, как спина?

– Нормально. Что ты имел в виду, когда сказал, что со мной легче?

– Хм. По крайней мере, ты не лезешь с руками и не используешь наведенную магию.

– Магию? Зачем? – искренне удивился Элиар. – Тем более если она на тебя не действует?

Она хмыкнула.

– Ну, Танарис не знал…

– Он разговаривал с тобой?! Тоже?! И попытался… – От неожиданной догадки у эльфа закаменело лицо.

– Все они были, – с тихим смешком подтвердила Белка. – Рыжий, как всегда, с сальными шуточками и плохо завуалированным предложением. Молот только покраснел и извинился, что раньше не признал. Аркан галантно расшаркивался и надоедал с комплиментами, пока я не отправил его к Торку. Ирбис и Сова столкнулись друг с другом прямо на входе, но посмотрели, как я бегаю, и решили не торопить события – обошлись, слава богам, вежливыми фразами ни о чем. Разве что Танарис оказался более напористым, но и он не преуспел… Надеюсь, на сегодня ты – последний и я могу со спокойной совестью лечь спать, не ожидая больше тихого стука в дверь и деликатного покашливания под окнами.

Элиар ошеломленно крякнул, когда понял, что за неполную ночь на полигон умудрились явиться все, кто вчера едва в обморок не упал, увидев, кем на самом деле был несносный задира Белик. Все, кроме Литура, который был в курсе, и темного, у которого, будем надеяться, все-таки хватит мозгов не раздражать ее в этот долгий вечер.

О владыка! Неужто мужчины настолько предсказуемы, что Белка пожертвовала сном и уже который час терпеливо ждет очередного поклонника, чтобы разом решить все вопросы и больше никогда к ним не возвращаться?! Ждет, откуда-то зная, что они все равно, словно мухи на мед, слетятся! Так же ровно повторяет каждому прописные истины, что за десять лет оскомину набили. А чтобы было чем заняться в перерывах, потихоньку восстанавливает форму?

– О боги… – только и смог выдохнуть он, когда заглянул в ее глаза и понял, что это – сущая правда. – И что? Всегда так?!

Она печально кивнула, а Элиар совсем растерялся.

– Я не знал. Прости.

– Ничего. Говорю же, с тобой оказалось легче всего.

– Белик… Это что, так заметно? Неужели мы настолько дурные?!

– Увы, – печально улыбнулась Белка. – Каждый раз, когда сюда приходят новички, это повторяется с точностью до последнего слова. Все последние десять лет после моего совершеннолетия. Я даже специально откладываю

остальные дела, потому что больше суток не выдерживает никто – обязательно прокрадываются к дверям, царапаются, скребутся, зовут и просят пару минут для личного разговора. С цветами, подарками, стихами и даже со штанами в одной руке. Кто поумнее – быстро уходят, самым дурным я ломаю руки и проламываю головы. Тех, кто совсем идиот и пробует действовать силой, приходится вышвыривать обратно за Драконий хребет, потому что такие болваны нам не нужны. Даже мои парни не исключение: все хотя бы раз попытали счастья. Но, слава богам, они уже остыли и запомнили, чего нельзя делать ни при каких условиях. Даже Адвик уже не напрашивается: все-таки я не зря их последние пять лет гоняю. С остальными до сих пор ведется позиционная война с переменным успехом, а чаще сохраняется нейтралитет. Но, как ни странно, с тобой оказалось проще всего: мы уже разогрелись, битый час сидим в темноте, одни, а ты до сих пор не распустил руки. Так что спасибо. Поверь, такое бывает крайне редко, а я очень ценю в мужчинах сдержанность.

– Боги… – Элиар посмотрел на Гончую совсем беспомощно, а затем наткнулся на ее сочувствующий взгляд и неожиданно прозрел. – Это что, магия? Какой-то амулет?

– Ты же знаешь, я не маг. Даже более того: рядом со мной большинство заклятий теряют силу, а некоторые вообще разрушаются. Просто из-за некоторых обстоятельств я, скажем так, нравлюсь мужчинам. Очень нравлюсь, независимо от возраста, цвета глаз и длины ушей.

– Нравишься – не то слово, – пробормотал эльф, старательно загоняя вглубь неуместные эмоции.

– Как приманка на ниточке, которую уже подвесили под самым носом. Как мед для медведя или запах крови для хмеры. Вас тянет ко мне как магнитом, заставляет бросать все дела и мчаться по первому зову, а чаще всего – и без оного. Это работает всегда, везде, ровно с того момента, как мне исполнилось восемнадцать. И с этим совершенно невозможно бороться ни эльфам, ни людям, ни магам, ни… гм, даже гномы с трудом держатся. Что же касается пределов… думаешь, мне было бы легче в Интарисе? Здесь, по крайней мере, знают, что ко мне лучше не приближаться, а там… Представь, сколько народу пришлось бы покалечить, чтобы избавиться от назойливого внимания! Про ваш лес вообще молчу. Мне иногда кажется, перворожденные реагируют сильнее, хотя большого опыта в этом плане у меня нет. Сам знаешь: не люблю я ваше племя. Но пока меня считают мальчишкой, вы еще как-то сдерживаетесь, терпите, давите в

себе эту тягу. Если не смотреть вам в глаза и почаще выводить вас из себя, то все терпимо. Злость уравновешивает соблазн, и почти все справляются. Но стоит вам сообразить, что вы не ненормальные и не сошли с ума, интересуясь сопливым сорванцом, а я на самом деле – совсем не то, чем кажусь… О-о-о, тогда жди гостей. Думаешь, чего Крикун вчера ржал как ненормальный? Именно потому, что догадывался, чем дело закончится. А вот мне было совсем не до смеха.

Элиар долгое мгновение таращился на огорченную девушку, уткнувшую нос в колени и терпеливо дожидающуюся его реакции на такую странную правду. Старательно переварил новую информацию, что-то припомнил, что-то додумал, об остальном просто догадался. Представил, каково ей было вчера. Вспомнил, как старательно его бесили всю дорогу до заставы и откровенно напрашивались на тумак, которого, на удивление, всякий раз удавалось избежать. Как быстро над «дерзким мальцом» взяли шефство суровые караванщики. Как старательно берегли его Стражи уже здесь. Как тщательно Белик каждый раз выбирал место и время для купания. Как пугался за него старый воевода. Как боялся просто признаться остальным, что мнимый «племянник» на самом деле – очень даже «племянница». И до последнего мига покрывал здесь, на заставе, где ее ценят как настоящее сокровище. Ровно до тех пор, пока наглый гном не подгадил всем своим дурацким доспехом…

Эльф на миг ошарашенно замер, хрюкнул, а потом самым неожиданным образом… расхохотался. Белка удивленно обернулась, но он просто откинулся навзничь и, прикрыв горящие злым восхищением глаза, от души хохотал над той ситуацией, в которой все они нечаянно оказались. По ее, разумеется, вине, но абсолютно без ее желания.

Надо же… если бы все раскрылось раньше, Белке стало бы совсем туго.
А Седому пришлось бы собственноручно перебить половину караванной охраны. Более того, они с Танарисом наверняка попали бы в пятерку смертников, потому что в тот момент были слишком злы, а потому имели все шансы напороться на ее чарующий взгляд и уже тогда попасть как куры в ощип.

– Элиар, ты здоров? – осторожно спросила Белка, когда мелодичный смех огласил сонную заставу.

Эльф расхохотался громче: привлекательный и сильный мужчина, внезапно утративший все свое высокомерие. Просто потому, что попался на крючок

обычной смертной девчонки. А до этого решился на откровенное безумие – связал себя узами с шестью наемниками и умудрился подцепить от них привычку язвить.

– Ох, Бел! Да если бы не ты, я бы ни за что не согласился на эти узы! – простонал он, вытирая выступившие от смеха слезы. – Точно бы не согласился, потому что это невозможно! И я никогда не полез бы на тропу! И уж точно ни за что не приперся бы сюда, на эти тумбы, как дурак!

– Я малость схитрил, чтобы все вышло как надо, – скромно потупилась Белка. – Не стоило тебе на меня смотреть. А остальные еще раньше попались, поэтому у нас и получилось.

– А я-то все голову ломал, чего они стали такими послушными… Ох! Надеюсь, твои Гончие не торчат сейчас на уступах и не готовятся набить мне морду, как только я слезу? После подобных откровений я не удивлюсь, если поблизости «случайно» окажется пара доброжелателей, готовых ласково и нежно свернуть мне шею. Просто за то, что остальных ты отпинала сразу, а меня пока еще терпишь.

Белка только усмехнулась.

– Стража мне не нужна: я не настолько слаб, чтобы не справиться с вами поодиночке. Впрочем, и со всеми вместе – тоже. Карраша мы специально выпроводили на охоту, потому что он ужасно ревнивый, Траш за ним приглядывает. А парни просто сидят в своих комнатах, по-тихому ржут и бьются об заклад, у кого из вас завтра поутру будет расцарапана физиономия. Конечно, они хотели увидеть этот спектакль своими глазами, но я не считаю, что подобные вещи нужно выставлять напоказ, поэтому и пообещал, что, если кого увижу поблизости, размажу по стенам. Они у меня послушные, так что можешь быть спокоен: вокруг нет ни одного… гм, человека. К счастью, завтра их ждет немалое разочарование, наши доблестные попутчики получили вежливый отказ и давно дрыхнут, а ты… раз уж попался, терпи. Завтра можешь позлорадствовать, но чтоб никаких намеков! Потом за стойкость медаль для тебя у короля выпрошу.

– Спасибо, – неожиданно посерьезнел эльф. – Только медаль мне не нужна: я не сорока, чтобы блестящие цацки на себя навешивать. Позлорадствовать, конечно,

позлорадствую. Особенно когда рыжего увижу. По поводу намеков тоже не дурак. Но, если честно… Бел, я ни от чего не отказываюсь. За Танариса прошу у тебя прощения, потому что его поступок низок, но за себя могу сказать – я не против.

Она скептически приподняла бровь, но он не вилял, не врал и не распускал руки. Смотрел открыто и все с той же симпатией. Да, все слышал, понял, внял. Но не испугался. А сейчас просто сообщил, что будет сдерживаться и не станет докучать с неуместными чувствами. Хотя с удовольствием рискнул бы проверить их на прочность и хотел бы попробовать завязать отношения, даже несмотря на угрозу расцарапанной физиономии.

– Ох, ушастый… – сокрушенно вздохнула она. – Ну назови мне хоть одну причину, по которой не стоит сейчас послать тебя по матушке? И не дать моим парням хоть один повод славно повеселиться?

– Ну ты еще не вышвырнула меня отсюда. – Элиар широко улыбнулся и стремительно спрыгнул с тумбы, чтобы не попасть под горячую руку.

Удачно избежав тумака, отскочил подальше и мысленно поаплодировал тому, как завибрировала от удара Гончей мощная колонна. Но, прежде чем исчезнуть в темноте, галантно поклонился, одарив недовольную Гончую ослепительной улыбкой.

– Это – первая причина. А остальные я сообщу тебе позже. Если, конечно, ты не передумаешь.

Белка задумчиво подула на кулачок.

– Ладно, попробуй меня удивить.

– Обещаю. – Элиар отвесил ей изысканный поклон и со спокойной душой покинул двор. Правда, какое-то время он справедливо опасался, что в спину прилетит что-нибудь увесистое или острое. Но обошлось: только короткая усмешка, больше похожая на вызов, – и все. А на такой вызов он был готов ответить.

Таррэн устало прикрыл глаза, наконец-то понимая причины такого поведения Белки. Как и то, что, несмотря на все ее усилия, его тоже зацепило этой странной магией. Причем настолько, что было тяжело просто стоять рядом, особенно зная, что она будет его ждать… одна, в темноте… в чарующей тишине удивительно тихой ночи. Ждать лишь для того, чтобы послать по известному адресу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/lisina_aleksandra/temnye-vremena-hozyain

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити